

«Жизненный мир» в координатах современной экзистенциальной социологии

Елена Владимировна Андрианова^{1,2},
Владимир Александрович Давыденко¹, Анжелика Сергеевна Черненко¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.v.andrianova@utmn.ru

Аннотация. *Цель* — изучить возможности и ограничения дефиниции «жизненного мира» в содержательно-смысловых координатах современной экзистенциальной социологии. *Актуальность:* в гуманитарных науках наблюдается «поворот» — поворот к «новому экзистенциализму», что связано с процессами «онтологизации» социологической науки. Ввиду этого дефиниция «жизненного мира» приобретает особый, нетривиальный статус для объяснения и понимания особенностей современного бытия индивида и общности. *Задачи* статьи реинтерпретация ключевых идей экзистенциальной социологии с позиции отличия ее предмета от предметов других экзистенциальных наук — антропологии, психологии, философии, этнографии. *Методология* — анализ принципов, предпосылок, подходов, идей ведущих представителей экзистенциального направления. *Результаты:* разработана авторская программа, идентифицирующая ключевые параметры экзистенциальной модели человека в социологии на основе интерпретаций смыслов социальной реальности, рассмотренных сквозь призму координат социальной онтологии повседневной жизни: индивидуализм — коллективизм; рациональное — нерациональное, с применением понятийно-категориального аппарата: аутентичность; ситуация; выбор; действия; опыт; чувства и эмоции; самость; тело; структура; культура; религия, свобода, пространство и время; социальные изменения, проявления бытия («экзистенциалы»), массивификация, нивелирование. *Теоретическая и практическая значимость* — разработка алгоритмов исследования, отражающих индивидуальные и коллективные действия в парадигме «жизненного мира», представление комплекса понятий в выбранной логике изложения, которая объясняет — каким образом и зачем экзистенциальная социология может быть структурирована

на макро-, микро- и мезо- уровнях, может быть изложена в теориях среднего диапазона, представлена в нестандартных форматах визуальной, реляционной и сенсорной социологии; изложена в негативных и позитивных терминах. *Основные методы* опираются на типовые приемы критического дискурс-анализа и фрейм-анализа. *Научная новизна*: несмотря на наличие разнообразных параметров жизненного мира и соответствующих им модусов бытия индивидов и общностей, в научном сообществе до сих пор не исследовались на достаточно глубоких уровнях как сами эти конструкты, так и их взаимосвязи. *Главные выводы* статьи состоят в открытии экзистенциальной социологической теорией новых концептуальных пространств при изучении социальных механизмов синтеза «мягкой» и «жесткой» версий «структурных смещений» (structural bias), объясняющих формирование и определение индивидуальных и групповых решений теми или иными структурными силами. *Научные вклады авторов* состоят в том, что указываются новые возможности дефиниции «жизненного мира» быть представленной в координатных рамках разных социологических теорий, включая современную экзистенциальную социологию.

Ключевые слова: жизненный мир, экзистенциальная социология, экзистенциальная гуманитарная наука

Цитирование: Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Черненко А. С. 2023. «Жизненный мир» в координатах современной экзистенциальной социологии // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 4. С. 22–51. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-4-22-51>

Поступила 10.11.2023; одобрена 10.11.2023; принята 10.11.2023

"Lifeworld" in the coordinates of modern existential sociology

Elena V. Andrianova^{1,2}, Vladimir A. Davydenko¹, Anzhelika S. Chernenko¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² West-Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.v.andrianova@utmn.ru

Abstract. The aim is to study the possibilities and limitations of the definition of the "life world" in the content and semantic coordinates of modern existential sociology. Relevance: in the humanities, there is a "turn" — a turn towards "new existentialism",

which is associated with the processes of "ontologization" of sociological science. In view of this, the definition of the "life world" acquires a special, non-trivial status for explaining and understanding the features of the modern existence of the individual and community. Objectives: the articles reinterpret the key ideas of existential sociology from the perspective of the difference between its subject and the subjects of other existential sciences — anthropology, psychology, philosophy, ethnography. Methodology — analysis of the principles, prerequisites, approaches, ideas of the leading representatives of the existential direction. Results: the author's program has been developed, identifying the key parameters of the existential human model in sociology based on interpretations of the meanings of social reality considered through the prism of the coordinates of the social ontology of everyday life: individualism — collectivism; rational — irrational, using the conceptual and categorical apparatus: authenticity; situation; choice; actions; experience; feelings and emotions; self; body; structure; culture; religion, freedom, space and time; social changes, manifestations of being ("existentials"), massification, leveling. Theoretical and practical significance — the development of research algorithms that reflect individual and collective actions in the paradigm of the "life world", the presentation of a set of concepts in the chosen logic of presentation, which explains how and why existential sociology can be structured at macro-, micro- and meso- levels, can be presented in the middle range theories, in non-standard formats of visual, relational and sensory sociology; stated in negative and positive terms. The main methods are based on typical techniques of critical discourse analysis and frame analysis. Scientific novelty: despite the presence of various parameters of the life world and the corresponding modes of existence of individuals and communities, both these constructs themselves and their relationships have not yet been studied at sufficiently deep levels in the scientific community. The main conclusions of the article are the discovery of new conceptual spaces by existential sociological theory in the study of social mechanisms of synthesis of "soft" and "hard" versions of "structural bias", which explain the formation and determination of individual and group decisions by certain structural forces. The authors' scientific contributions are in the fact that new possibilities of the definition of the "life world" are indicated to be presented in the coordinate framework of various sociological theories, including modern existential sociology.

Keywords: life world, existential sociology, existential humanities

Citation: Andrianova E. V., Davydenko V. A., & Chernenko A. S. (2023). "Lifeworld" in the coordinates of modern existential sociology. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(4), 22–51. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-4-22-51>

Received Nov. 10, 2023; Reviewed Nov. 10, 2023; Accepted Nov. 10, 2023

Введение

В настоящее время в гуманитарных науках наблюдается еще один знаменательный момент — поворот к «новому экзистенциализму». Не говоря о «царице наук» философии, в весьма жесткой лексике описывающей «смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия», в которой, например, работает А. С. Гагарин [Гагарин, 2009, 2015], эта новая тенденция обнаруживается среди экономистов через экзистенциальную трансформацию «человеческого капитала», который, как засвидетельствовал В. И. Ильин, «вызвал научный энтузиазм в начале ХХI в., когда по этой тематике появились сотни публикаций и диссертаций (почти исключительно экономических)». Сама по себе «концептуализация категории человеческого капитала», по его мнению, стала опираться на разные логики «неомарксизма» и «экзистенциализма», и она ориентируется «на использование возможностей мягких методов». В таких контекстах «категория человеческого капитала активно проникает из экономических наук в социологию» [Ильин, 2023, с. 40]. «Экзистенциальные мотивы» ищутся и находятся в экономике [Быстров, Дудник, 2018] и в философии К. Маркса [Кондрашов, 2015, 2016, 2019а, б], хотя сами используемые в его философии понятия «экзистенции» («экзистенциальное») имеют особые трактовки, обозначая эмоциональные и ценностные отношения человека к миру, порождаемые его деятельностью, а не действиями, как у Т. Парсонса и Ю. Хабермаса. Современные психологи по-прежнему стремятся «воссоединиться с философией», включая и экзистенциальную философию, выдвигая варианты «концептуализации бытийных контекстов» [Гришина, 2018]; внедряя свои форматы «экспликации жизненных проектов» [Плющ, 2023]; предлагая «методы экзистенциального анализа» в контексте «культуры достоинства» [Кривцова, 2021]. Современный выдающийся российский психолог Д. А. Леонтьев продолжает развивать свою «теорию экзистенциального измерения жизни» [Леонтьев, 2016, 2018], разрабатывая новые тесты по экзистенциальной психологии со своими коллегами [Леонтьев, Нестик, 2017; Леонтьев, 2019]. В подобном ключе работает научная группа психологов С. В. Кривцова, А. Лэнгле и К. Орглер, которые создали новый тест «экзистенции (existenzskala)» и апробировали на русскоязычной аудитории [Кривцова и др., 2009]. Лэнгле активно внедряет в жизнь собственный «современный экзистенциальный анализ», где обозначена интересная операционализация его понятийно-категориального аппарата и представлена творческая контекстуализация собранной им эмпирики [Лэнгле, 2001, 2019, 2021, 2023]. Новейшие экзистенциальные фокусировки были осуществлены в антропологии [Джексон, 2012; Jackson, 2013], этнографии [Адлер, Адлер, 2019] и в гуманитарной науке в целом [Wardle и др., 2023]. Объектами изучения становятся репрезентации «жизненных миров» [Демидова, 2008; Дивисенко, 2011, 2013; и др.]. Нельзя не упомянуть специально ряд фундаментальных работ Ж. Т. Тощенко по поводу успешного внедрения концепта смыслов «жизненного мира» [Тощенко, 2015, 2019, 2020, 2021, 2022], и «осмысление его как ноумена (умопостигаемой сущности), что требует выявления его основных характеристик, его смысловой сущности как единства целей участников, ориентированных на соблюдение взаимного доверия, согласо-

ние интересов и постоянное использование обратной связи» [Тощенко, 2023, с. 3]. Современная научная мода на экзистенциальный опыт бросила вызов всем ученым, представляя себя как «ноумен» в ставшей популярной цифровой эпохе на собственном новом языке, который ставит «проблему возможностей экзистенциального в цифровом», когда «жизненный мир человека» не столько усложняется, сколько упрощается, и «представлен техникой и технологическим прогрессом» [Гулеватая, Пеннер, 2023].

Актуальными становятся сюжеты «виртуализации жизненного мира», особенно когда стремление понять специфику этого процесса опирается на методологии определения границ «стартовой линии» (или «точки отсчета»), которыми может служить семантика концепта «жизненный мир», в разных методологиях, в т. ч. «нацеленной на многофакторный анализ», и в разнообразных координатах, например, таких: «объектности, проектности, процессуальности, среды». Проблема для гуманитарных наук здесь зиждется, однако в том, что представляемые методологические основания, как правило, довольно поверхностны и слабы. Но даже в этих случаях, по мнению авторов статьи, действительно становятся «эффективным инструментом изучения виртуализации жизненного мира» [Лешкевич, Катаева, 2020]. Как показано в этой статье, основания для того или иного выбора «координат», как правило, зависят от субъективных вкусовых предпочтений и ментальных ограничений авторов выдвигаемых концепций, где изначально определяются целевые и ценностные характеристики объекта и предмета исследований.

Методы

В этой статье использовались следующие методы и подходы в рамках современных теоретических концептов социальных наук, служащих методологическими руководящими нитями ключевых операционализаций и прикладных верификаций — новые феноменологические и экзистенциальные парадигмы относительно анализа дефиниции «жизненного мира», детально изложенных в обзоре литературы, а также важные для настоящего момента методы анализа текста: тематический анализ, нарративный анализ и дискурс-анализ, который в постструктуралистской теории дискурса предполагает анализ социальных практик, в которых есть семиотическое содержание.

Обзор литературы

В настоящее время предпринято немало попыток многими учеными, в т. ч. выдающимися, объяснить состояние дел и степени изученности параметров «жизненного мира» и пересечений с ними многих смыслов, значений и содержаний в разных координатах ментальной стилистики современной экзистенциальной социологии. В 2023 г. под редакцией Х. Уордла, Н. Раппорта и А. Пиетт был издан Международный справочник Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке [Wardle и др., 2023], где широко представлена фундаментальная тематика и ключевые идеи «экзистенциальной модели человека» (existential model of man). Обосновывая актуальность этого Хэндбука, редакторы опираются на аргумент сегодняшнего времени, когда «человеческие жизни более взаимосвязаны, чем когда-либо прежде, и люди имеют

больший потенциал изменить свой мир, к лучшему или к худшему, чем когда-либо в истории ... это, несомненно, пробные камни для размышлений о том, в чем состоит экзистенциальное исследование» [Wardle и др., 2023, с. 1]. В двадцати четырех главах Хэндбука была предпринята весьма конструктивная попытка проследить решение задач экзистенциального исследования во всем многообразии целей и результатов, а также возвращать читателей по мере необходимости к более узкой тематической основе экзистенциального взгляда, который для редакторов и авторов этой ширококомасштабной книги предполагал особый тип забот и беспокойств, сопряженных с основными мировыми достижениями и нерешенными вопросами в этой предметной области. Достаточно узкий взгляд, четко сфокусированный на обсуждаемую проблему «жизненного мира» отмечен в монографии М. Джексона «Жизненные миры: очерки экзистенциальной антропологии» [Jackson, 2013], в которой он обозначил свою мотивацию выбора именно этого термина: «Если я предпочитаю термин "жизненный мир" термину "культура" или "общество", то потому, что я хочу уловить ощущение социального поля как "силового поля" (kraftfeld), созвездия как идей, так и страстей, моральных норм, этических дилемм, испытанных, верных, беспрецедентных — это область, наполненная жизненной силой и оживленная борьбой» [Jackson, 2013, с. 7].

В центре внимания на пересечении смыслов экзистенциальной антропологии как ее предметной области и жизненного мира «находится парадокс множественности» (paradox of plurality) и двусмысленности интерсубъективной жизни. Хотя мы существуем как единичные существа, так и участники более широких сфер бытия, которые охватывают других людей, материальные вещи и абстракции, наши отношения с самими собой и с другими людьми неопределенны, постоянно меняются и являются предметом бесконечных переговоров ... эмансипированное общество — это такое общество, в котором достигается сосуществование при различиях» [Jackson, 2013, с. 9].

В подтверждение правильности теоретической позиции о том, что дефиницию «жизненный мир» можно рассматривать с точки зрения теории полей, верно указали Н. Флигстин и Д. МакАдам [Флигстин, МакАдам, 2022], которые акцентировали свое и наше внимание на принципиальную важность операциональных определений и примеров из практики, которые им представляются достаточно существенными, даже если они различны по своим концепциям и подходам, охватывающими многие научные традиции и предметные области, базирующиеся на общей линии аргументации. Более того, если за основу взять теорию «стратегических полей действия» (strategic action fields), то согласно Н. Флигстину и Д. МакАдаму, она объясняет, как и почему укорененные акторы стремятся создавать и поддерживать социальный порядок в данной области поля. В то время как большинство многих теорий подчеркивают центральную важность интересов и власти, Н. Флигстин и Д. МакАдам настаивали на том, что «стратегические действия на местах основаны на сложном сочетании материальных и "экзистенциальных" соображений». Они постулировали «основополагающее микрооснование» — предпосылку, коренящуюся в том, что было определено как экзистенциальные функции социального, что объясняет сущность человеческой коммуникабельности и связанную с ней способность к стратегическим

действиям. Это микрооснование формулирует их концепцию «социального навыка» (social skill), который они четко определили как «способность к intersubjective thought and action», формирующую обеспечение «смысла, интересов и идентичности на службе коллективным целям» [Флигстин, МакАдам, 2022, с. 3]. Мы видим здесь очевидные пересечения компонентов теории «стратегических полей действия», «способности к intersubjective thought and action», «экзистенциальных функций социального» и «социального навыка» в том плане, как будто естественная среда и жизненный мир человека управляются во многом идентичными процессами.

Особенности методологии и полученные результаты исследований в данной области имеют, в т. ч. и *альтернативные варианты*, которые представлены в трудах одной из самых влиятельных фигур в социологии XX в. — Т. Парсонса [Парсонс, 1997, 2000, 2002] и одного из величайших синтетических мыслителей социологии и наследника традиции, развитой Франкфуртской школой, Ю. Хабермаса, в его теории коммуникативного действия [Habermas, 1984, 1985, 1988, 2011a, б]. Ключевой момент здесь состоит в том, что разница в понимании концепта «жизненного мира» между Т. Парсонсом и Ю. Хабермасом заключается, по сути, в том, каким образом Хабермас использовал теорию Парсонса для установления собственных основных положений. Во втором томе «Теории коммуникативного действия» в шестой главе «Промежуточные размышления: система и жизненный мир» во втором параграфе: «Разъединение системы и жизненного мира» (The Uncoupling of System and Lifeworld) Ю. Хабермас объясняет, что он в модели Т. Парсонса AGIL (Adaptation, Goal Attainment, Integration, Latency) фиксировал разграничение между «внешним» и «внутренним» измерениями социальной системы и установил одну как дефиницию «системы» (это внешнее измерение A-G) и другую как дефиницию «жизненный мир» (это внутреннее измерение I-L). Предложение, которое выдвинул Хабермас, «принимает во внимание методологические различия между интерналистской и экстерналистской точками зрения, связанные с двумя концептуальными стратегиями» [Habermas, 1985, с. 153]. С точки зрения «участников жизненного мира» (members of a lifeworld) в логике Хабермаса все выглядит так, как будто социология рассматривает один из трех компонентов жизненного мира — институциональную систему, для которой культура и личность составляют взаимодополняющую среду. С другой стороны, с точки зрения наблюдателя это выглядит так, как будто анализ жизненного мира ограничивается одной подсистемой, специализирующейся на поддержании структурных паттернов и с этой точки зрения, компоненты жизненного мира становятся внутренними дифференциациями подсистемы, определяемой параметрами социального самоподдержания. С логической точки зрения ясно, что такая системная теория общества не может быть самодостаточной в полном смысле этого слова. Поэтому структуры жизненного мира, обладающие собственной внутренней логикой, накладывающей внутренние ограничения на поддержание всей системы, должны быть адекватно поняты с помощью другого — герменевтического подхода, основанного на дотеоретических знаниях участников действий и взаимодействий (т. е. знания, которое доступно индивиду вне зависимости от теорий и интерпретаций; каждый из них

имеет в какой-то части общие интуиции относительно знания и хорошо понимает, о каком явлении идет речь). В более плотном объяснении «дотеоретического знания» в терминах М. Хайдеггера она идентифицируется дефиницией «бытия присутствия» как «экзистенции», которое устроено так, что в самом своем бытии оно имеет заботливое отношение к самому себе. Это отношение дотеоретическое, которое он называл «отсеком понимания» [Хайдеггер, 2003]. Объективные условия, при которых системно-теоретическая объективация жизненного мира становится необходимой, как таковые возникли в ходе эволюции. И это требует такого объяснения, которое не вписывается только в одну в системную парадигму [Habermas, 1985, с. 153]. Так он подводит теоретико-логическое обоснование под необходимость экзистенциального способа выражения жизненного мира. Такого рода способ описания ситуации стилизует то, что реально происходит, причем в виде сложного и неясного процесса, подпадающего под сознательный, и одновременно спонтанно осуществляемый выбор. В любом случае ответ на вопрос, «как и кем человек хочет быть», не может быть чисто рациональным, как моральным решением. Беря во внимание то, что такое «экзистенциальное решение» (existential decision) действительно «является необходимым условием нравственного отношения к собственной жизненной истории, в выборе жизненного проекта присутствует неотъемлемый элемент произвола» [Habermas, 1985, с. 109]. Экзистенциальная социология больше ориентируется на «должное», а позитивистская на «факты». Предполагаемое место этой статьи в потоке других научных работ по предложенной тематике ее авторы видят в первую очередь в идентификации параметров жизненного мира, основанного на сравнительном анализе самых разнообразных подходов, среди которых затем производится взвешенный отбор методологических предпосылок.

Основная часть

Среди отечественных и зарубежных ученых идентификацию и тематику параметров жизненного мира прорабатывали специалисты разных предметных отраслей: философы, социологи, психологи, антропологи, филологи, лингвисты, экономисты, этнографы и многие другие представители гуманитарных наук. Обращаясь к значимым компонентам *теории* и *методологии* статьи, примем во внимание достаточно новаторские идеи белорусского лингвиста-языковеда В. К. Щербина, который предложил гипотезу о том, что вводимое им понятие «жизненный мир человека» (а не более общая дефиниция «жизненный мир»), которое «в подавляющем большинстве работ рассматривается в тесной связи с другими "возможными мирами": социальным миром, который порой называют «социосферой»; миром природы ("биосферой"); миром науки и техники ("техносферой"); миром разума ("ноосферой")» [Щербин, 2022, с. 65]. Связи индивида с этими «возможными мирами» и создаваемые ими вызовами объясняется принципом целостности: мир целостен, человеческая жизнь целостна, а ее отображение — научное, художественное или житейское — всегда фрагментарно, хотя и оно должно стремиться к целостности. В данном случае предполагается анализ оснований жизненного мира человека как результат взаимодействия других «возможных миров», современных мега-трендов и вызовов. В этой же парадигме работает современный фи-

лософ, культуролог и лингвист М. Н. Эпштейн, который разработал сравнительно новую методологию, направленную на развитие терминологии, отражающей прогрессивные культурно-социальные процессы XXI в. и соответствующие методы интеллектуального творчества [Эпштейн, 2023а–в]. Общее направление этого типа методологии — создание множественных альтернатив господствующим знаковым системам и теоретическим моделям — подход, который он обозначил термином «множимостью мысли»: «возможностные» (или «поссибилистские»), «вариативные», «концептивные», «виртуальные», «веерные» типы мышления. На этом пути возникают «возможные миры мыслимого» — философские и социальные системы, художественные и религиозные движения, жизненные ориентации, новые слова, термины и понятия, новые дисциплины и формы гуманитарного исследования. Наиболее полное воплощение метод «множимости мысли» получил в его знаменитом словаре: «Проективный словарь гуманитарных наук», который содержит системное описание понятий современных гуманитарных наук, включая философию, социологию, культурологию, литературоведение и лингвистику, религиоведение, также гуманитарные подходы к природе, истории, обществу и технике [Эпштейн, 2017]. В конфигурации смыслов и значений подобного рода, категория жизненный мир человека — это «средоточие и посредник макро- и микромиров, точка их вхождения и "погруженности" друг в друга» [Эпштейн, 2004, с. 317].

Продолжая раскрытие смыслов этой метафоры в логике жизненного мира А. Шютца, основоположника феноменологической социологии, приходит понимание его высказывания о том, что «мир повседневной жизни, обыденный мир здравого смысла занимает высшее положение среди разных областей реальности, ибо только в нем становится возможна коммуникация с другими людьми. Однако обыденный мир есть с самого начала социокультурный мир, и многие проблемы, связанные с intersубъективностью символических отношений, берут в нем свое начало, определяются им и находят в нем свое решение» [Шютц, 2004, с. 463]. «Обыденный мир» — мир повседневной жизни индивида, который постоянно участвует в мире окружающих его предметов, объектов, событий, социальных групп, общностей, институтов — как его воспринимают и как испытывают общий смысл людей, которые проводят свое повседневное существование между собой, связанные друг с другом множеством нитей и отношений действия и взаимодействия в формах одновременно неизбежных и шаблонных (кажущихся очевидными). Главной чертой жизненного мира является его intersубъективный характер. Этот мир имеет полностью социальное происхождение, из-за того, что смыслы и значения возникают в процессе социального взаимодействия [Абельс, 2000, с. 49].

Результаты

Решая *основную задачу* — провести анализ оснований и обоснований разных концептов жизненного мира, приближаясь к пониманию их ключевых особенностей в экзистенциальной социологии, — авторами данной статьи были проанализированы исходных предпосылки, которые выдвигали те или иные ученые относительно исследуемой дефиниции.

Если говорить о психологической науке, то там наблюдается, как правило, если не путаница в способах понимания отправных принципов, то целые каскады противоречий,

которые дезориентируют не только цели, но и сами методологии исследования. В статье И. А. Красильникова с бросающим вызов названием: «Неклассическая онтология субъекта как методология в изучении конфликтного жизненного мира» [Красильников, 2018] говорится о чем угодно, только не об указанной тематике. Не углубляясь в критические обзоры этой статьи, отметим, что, если в ее названии дается дефиниция «неклассическая онтология субъекта», то для начала требуется определить, что же понимается под «классической онтологией субъекта»? Этого сделано не было, зато выводится «из неоткуда» концептуально явно неверный вывод о том, что «экзистенциальная психология значительное внимание уделяет рефлексии внутреннего мира человека в противовес действенной стороне, выработке определенных жизненных стратегий поведения при разрешении фундаментальных конфликтов бытия. В силу этого она рассматривает жизненный мир человека пессимистично» [Красильников, 2009, с. 18]. Однако на самом деле жизненный мир человека в экзистенциальной психологии вовсе не так «пессимистичен», а даже, наоборот. Среди современных психологов, придерживающихся базовых положений философско-антропологической онтологической парадигмы С. А. Рубинштейна, утверждаются позитивные моменты и говорится не столько о «подавленной», сколько о «радостной экзистенциальности» [Абульханова, Славская, 2020а, с. 11].

Та же самая тенденция явно отмечается у С. Кьеркегора, который, собственно, и ввел в философский оборот само понятие «экзистенция» (existents) и «наличного существования» (tilvaerelse), обозначив их как высшие реальности индивида — в первую очередь реальность эстетическая, исполненная творческой, художественной значимости, которая гармонирует с этическими началами. В его категориально-терминологическом аппарате говорится об особых, крайних, экстремальных точках эмоциональной жизни, когда способность переживать «пограничное состояние» — это есть и свобода, и сама экзистенция индивида, выраженная в двойной дефиниции «свобода и возможность», также и «возможность быть» — способность через правильный выбор преодолевать негативные чувства и эмоции, понимаемое как творение своей собственной жизни, как становление «экзистенциально ответственного индивида». В момент творения он оказывается на территории чувственного наслаждения [Кьеркегор, 2011, с. 18].

В такой исходной трактовке жизненный мир человека отнюдь не пессимистичен, а, наоборот, он оптимистичен. Тема свободы здесь является важнейшей: индивид определяет себя в бытии, бытие есть именно то, на что человек решается через свой выбор. Данная тематика проходит сквозной красной линией практически у всех экзистенциалистов. В то время как в статьях и книгах И. А. Красильникова, идеи которого нам интересны как одного из разработчиков темы жизненного мира, эклектически перемешиваются смыслы и значения разнообразных, но близких понятий: субъект, личность, индивидуальность, человек, индивид [Красильников, 2009, 2013, 2014, 2018]. Нужно сказать, что большинство его работ, к сожалению, пишется по принципу: «кто что считает нужным чего сказать, и у кого что болит, тот о том и говорит», в нарративах которых запутываются многие «современные эмпирические психологи», и до сих пор широко распространяя «дикий эклектизм» [Мау, 1961] без адекватной теории, тем самым разрушая современ-

ную терапию. Этот аргумент относится и к другим статьям и книгам психологов и философов подобного низкого уровня. Но вместе с тем принципиально важно отметить, что есть работы очень высокого качества по экзистенциально-бытийной тематике.

К. А. Абульханова, выдающийся представитель научной социально-философской и философско-психологической школы С. Л. Рубинштейна, с опорой на его методологию философско-антропологической онтологической парадигмы, представляет философско-психологическую концепцию сознания как интегратора, обеспечивающего жизнедеятельность личности, в цикле своих статей [Абульханова, 1999, 2009, 2014, 2017а, б, 2018] раскрывает смыслы и значения базовых понятий жизненного мира и их связи с другими понятиями и терминами. Представляя свои исследования методологических функций и операциональных возможностей принципа субъекта, которые зиждятся на разработке «конструктивного операционального перехода от философского уровня к психологическому», она заостряет наше внимание на том, что «традиционная иерархия человек — социум — личность не раскрывает способа перехода к изучению субъекта на уровне личности и ее жизни». По ее мнению, «социум и личность представляют собой онтологически одну *действительность*, но разного масштаба», поэтому «распространенное определение личности как "устойчивого психического склада", подразумеваемая стабильность, определенность последнего, необходимо дополнить не просто его изменчивостью, но и учесть функционирование личности во времени и пространстве жизни, которая ею определяется и детерминируется» [Абульханова, 2014, с. 7].

Эта сложная ментальная конструкция дополняется введением в научный оборот категории жизненный путь, который понимается как «способ самореализации и объективации, воспроизведения личностью себя в формах жизни, ее континуальный способ самоосуществления и самореализации. Достигая определенного способа и уровня организации жизненного пути, она может стать его субъектом» [Абульханова, 2014, с. 7].

Обосновывая свою методологию онтологической парадигмы в ее преломлении при определении предмета психологии на базе принципа субъекта психической деятельности, К. А. Абульханова четко прописала свой «подход к индивиду как такому субъекту, детерминанты психики которого исследуются в связи с объективными особенностями его жизнедеятельности, определяемыми его общественным бытием». Отметим, что она достаточно давно разрабатывала иерархию психологических категорий субъекта и личности, и справедливо предположила, что «раскрыть сущность личности можно тогда, если учитывать тот контекст, в котором она функционирует, живет, действует, относится к другим людям; и определяя ее, исходя не из того, *кто* она, а из того, *как* она осуществляет себя в своей жизни в социуме» [Абульханова, 2014, с. 7].

Тогда «жизненный путь личности» — это «то пространство и время, и тот "шанс", который дается каждому индивиду, чтобы стать личностью, индивидуальностью, субъектом, одновременно реализуя себя на этом пути тем или иным образом как включенной в социум и как решающей свои/его задачи (для себя / для общества)» [Абульханова, 2014, с. 7].

Важно то, что, давая психологические характеристики личности, К. А. Абульханова в скобках дает ее различие от термина индивид — в социологии. Ее концепция инди-

вида — личности — социума представляла собой те «критически преобразованные содержания философской антропологии, которые отражали не синкрет» (или сочетания разнородных взглядов, когда игнорируется необходимость их внутреннего единства и непротиворечивых построений), «включавший и активность субъекта, и представление о его деятельности, его творчестве, способности к преобразованию действительности и развитию. Эта сложно-сочлененная концепция глубоко диалектична в силу того, что построена на онтологической основе, т. е. она включает человека, субъекта в бытие». На базе принципа субъекта психической деятельности социологам ясно, как психологами понимается личность, которая достигает качества субъекта.

Это происходит в случае, когда субъект, понимаемый на философском уровне, приобретает способность к интеграции. Согласно К. А. Абульхановой, «интегрированность является общественной сущностью человека и присуща общественному способу его бытия ... возникает проблема: интегральность как имманентная способность человека свойственна ли также и личности, которая представляет собой самый конкретный уровень бытия человека <... > создавая свой интеграл — определенную архитектонику из специфики тех жизненных отношений, интеракций с разными сферами жизни и системами социума (группами, общностями и социальными структурами, отдельными людьми), в которые она по ходу жизни включается. Эта архитектоника характеризует ее как *индивидуальность*» [Абульханова, 2014, с. 5, 8, 9].

Тем самым, нам становится понятны смысл, значение и содержание категории «личность и бытие» у классических психологов, в представлении собственного категориально-понятийного аппарата. В более поздних трудах их взгляд на «личность и бытие» еще более углубился в экзистенциальном направлении, в котором указанные проблемы разработки методологического принципа субъекта как конструктивного операционального перехода от философского уровня к психологическому получили дальнейшее развитие [Абульханова, Славская, 2019, 2020а, б]. В частности, универсальность и правомерность «рубинштейновского онтологического подхода» выявлена в роли принципиальных и конкретных возможностей сознания, сделан вывод о его пространственно-временной функции как особого способа существования человека в мире и главное, что важно для развиваемой здесь темы — это то, что «жизненный мир» понимается в парадигме «идеальной субъективности», т. е. в системе «сознания», должна осуществить то, что в ней заключено, именно: «общее состояние мира» и «субстанциональную самостоятельность», противоречие между «субъектом, взятым в его конкретной действительности, и субъектом как мыслящим».

С этой целью в парадигму «человека и мира» введено понятие «мира»: здесь находим «единство сознания и деятельности и способность субъекта к деятельности и самоосуществлению, по выражению С. Л. Рубинштейна, "самодеятельности"; т. е. все те же составляющие, образовавшие в свое время его замечательную концепцию» [Абульханова, Славская, 2019, с. 11].

Жизненный мир, разворачивающийся в архитектонике этой онтологической парадигмы, обнаруживается на базе принципа, согласно которому «с возникновением более высокого уровня бытия нижележащие уровни качественно изменяются, совер-

шенствуются». В образной форме это превращение строится посредством научной метафоры: «человек опускается в природу». Парадигма «человека в мире, в отличие от характеристики бытия в безличном способе существования как происходящего», конкретизирована термином «осуществления». Тогда сознание человечества определяется и как регулятор деятельности людей, и как способ «построения» отношений между ними. В данном случае «сознание философски связано не с одним субъектом, но с отношениями между субъектами» [Абульханова, Славская, 2020а, с. 9].

На наш взгляд, в представленной строго логической цепочке дается, философско-психологическая операционализация жизненного мира, которая в итоге приводит не только к функциональной («пресловутые общественные отношения, как отношения в социуме того или иного типа»), но и нравственной роли сознания, которые «не только в советской философии, но и в советской действительности были оторваны, друг другу противоречили, где детерминировали социальные отношения в тоталитарном государстве» [Абульханова, Славская, 2020а, с. 9].

Логическая конструкция жизненного мира *с позиций «должного»* приводит к «формулировке субъект-объектной оппозиции, которая при определении отношений людей в мире снимается горизонтальным расположением, открывающим возможность — перспективу — приобретения социальными отношениями нравственного характера»; однако эта конструкция жизненного мира *с позиций «сущего»* открывает новый взгляд на мир: «считается, что это — демократическое общество, но сегодня это не так ... гуманности связи людей в социуме препятствует тип вертикальных отношений (государственной власти и остальной — основной части общества — народа)» [Абульханова, Славская, 2020а, с. 9–10].

Заметим, что в этой формулировке имеется четкая постановка вопроса о взаимоотношении мира и системы, которая была разработана Ю. Хабермасом [Habermas, 2011а, б] на экзистенциальном уровне во многих социально-философских деталях, что позволяет делать вывод о «смысловых пересечениях» его теории «жизненного мира» с аналогичными подходами современных российских классиков философии и психологии. Обратим внимание на подчеркивание «приоритетности» «экзистенциального человеческого статуса, который С. Л. Рубинштейн, со свойственной ему гениальностью выражения мысли в речи, обозначает как "быть более существующим". Здесь — и именно благодаря сознанию — в отношении себя, другого, многих других реализуется мысль, использованная нами в качестве эпиграфа: "жизнь тем более жизнь", — преодолевающая ограниченность и будничность наших представлений о жизни» [Абульханова, Славская, 2020а, с. 12].

Обсуждение

Говоря о тех реальных научных результатах, которые представлены в данной статье, ее авторы сравнивают обсуждаемые новые нарративы с теми определениями, понятиями и трактовками, которые прорабатываются также в *современной экзистенциальной гуманитарной науке*. Как верно утверждает авторами Хэндбука с одноименным названием [Wardle и др., 2023], любое экзистенциальное социальное исследование должно быть

обширным и позитивным изучением «жизненного мира человека как человеческого существа» (lifeworld of this same of human being), иметь в научном арсенале методологические и эпистемологические основания, методы, концепции и теории, необходимые для понимания индивидов и групп во всей полноте их субъективности и объективности, когда они сталкиваются с конкретностью своей ситуации, для признания нарративов или рассказов о «богатстве бытия» (richness of being) в сравнении с абстракцией, взаимодействовать со всем спектром человеческого опыта, фиксированного и текучего, рационального и эмоционального, дикого и последовательного, реального и символического, непреходящего и изменчивого, поскольку это проявляется в «повседневной жизни» (everyday life).

Профессиональное экзистенциальное исследование сопротивляется системам мышления, которые могли бы уменьшить или дисквалифицировать все это эмпирическое изобилие [Wardle и др., 2023, с. 2]. Отсюда мы отчетливо и конкретно видим исходные предпосылки современной экзистенциальной гуманитарной науки, которые сводятся к тому, что любая наука, методология которой будет игнорировать способность человека «интерпретировать свою собственную ситуацию и действовать в соответствии со своей собственной интерпретацией, неизбежно приведет к результатам, которые в буквальном смысле бессмысленны». Это означает, что экзистенциальное исследование направлено на то, чтобы собрать сильные аргументы против господства жесткого объективизма в социальных науках и представить ему аналитические и этические альтернативы [Wardle и др., 2023, с. 3]. В этом пункте появляется этика, как в подходе К. А. Абульхановой и А. Н. Славской. Хотя экзистенциалисты оспаривают и критикуют так называемые «элиминативистские» (eliminativist) методологии — т. е. «позитивистские», «конструкционистские» или «постструктуралистские», которые очень жестко сводят «субъективность» и «самость» к описанию внешнего поведения, ролевым играм, отношениям, идентичностям, статусам, экономическим и биополитическим позициям или биомедицинским и неврологическим состояниям, однако многие люди считают для себя актуальными. Вместо того, чтобы использовать в качестве дескрипторов нацию, общество, класс, капитал, рациональный выбор или психологический тип, экзистенциальное исследование принимает в качестве своего предмета «любого» (anyone) — «какой бы то он ни был»; что имеет особое значение, потому что все это — чей-либо опыт и знания в ситуации, взятые в деталях и понятые в целом, и *есть суть экзистенции*. Все значимые знания и опыт являются личными для единого интегрированного целого, которым является человек [Wardle и др., 2023].

Как справедливо утверждает в этом же Хэндбуке, по мере развития мировой теоретической социологии ключевые экзистенциальные идеи исторически нашли в ней приют и стали для нее решающими. В социологии различные идеи экзистенциализма стали распространяться в середине XX в. и конструктивный генезис экзистенциальной социологии как научного подхода составлял несколько тематических лейтмотивов, направленных как на теоретическое, так и эмпирическое изучение влиятельных концепций (они были предложены Г. Марселем, М. Хайдеггером, К. Ясперсом, Ж.-П. Сартром, А. Камю и другими, связанными с экзистенциалистским движением). Эти лейтмотивы включали рассмотрение таких дефиниций, как «аутентичность» (authenticity),

«смысложизненные ориентации» (life meaning — orientations), «негативный опыт» (negative experience), и «смерти» (death) в контексте триадической схемы «свободы — выбора — ответственности» (freedom — choice — responsibility) в качестве основных программных элементов парадигмы экзистенциальной социологии.

Любая история социологической мысли — это не только история позитивизма или социологизма, она созвучна многим экзистенциалистским темам. Позитивизм часто определяется как образцовый объективистский и количественный подход, но ведь даже его основатель О. Конт на позднем этапе своего интеллектуального пути занял субъективистскую позицию и отметил центральную роль наблюдения, которая является одним из основных исследовательских методов современной качественной социологии. Теория социального действия М. Вебера перекликается с экзистенциализмом, а исследования промышленного размещения А. Вебера фактически являются эксплицитной версией экзистенциальной социологии культуры. Схожие темы легко найти в теории нелогичного действия В. Парето, в социологии Дж. Зиммеля, в работах Чикагской и Франкфуртской школ. Взгляды К. Мангейма характеризуются как экзистенциальная социология знания, он был одним из первых ученых кто попытался заменить классическую категорию общества термином «социальное существование». Смысловые пересечения с философией существования включают теорию социокультурной динамики П. Сорокина и исследования Т. Парсонса, в частности его «волюнтаристскую теорию действия» (voluntaristic theory of action) и более позднюю парадигму «человеческого состояния» (human condition).

Критика дегуманизирующего воздействия массового общества, чрезмерного рационализма и научной объективации внесла свой вклад в последующее развитие интерпретативной и качественной социологической методологии, выражала потребности в гуманистическом взгляде на индивида, группы и общество как на социальное существование и экзистенциальных коммуникаций. Критика классической социологии, нашедшая отражение в появлении альтернативных подходов символического интеракционизма, феноменологии, конструкционизма, этнометодологии, драматургии, по-прежнему недостаточна по сравнению относительно сбалансированным аргументам экзистенциальной социологии в пользу интеграции объективизма и субъективизма, аутентичность (подинность) и неаутентичность среди индивидов рассматривается как аналог социальных условий солидарности и аномии. Контраст между подлинным и неподлинным существованием острее всего проявляется в пограничных ситуациях, и было сделано предположение о том, что социальная солидарность и аномия также проявляются в подобных экстремальных ситуациях, которые разрушают обыденные социальные модели.

Теоретик Э. Тирикьян (ученик П. Сорокина и Т. Парсонса) представил свое проект социологической дисциплины, получившей название «экзистенциальная социология», следующим образом: проведя сравнительное исследование и сделав теоретическую интеграцию социологических взглядов Э. Дюркгейма и различных экзистенциальных мыслителей, он пришел к важному выводу о том, что, несмотря на видимость конфронтации, социологизм и экзистенциализм разделяют общие опасения по поводу кризиса личности и общества и действительно могут считаться взаимодополняющими точками зрения. Э. Тирикьян был убежден в том, что экзистенциальная социология разработала собственный

категориально-понятийный аппарат — аутентичности, ответственности, выбора, становления, открытости, заботы, тревоги, пограничных ситуаций, двусмысленности, интерсубъективности и должна фокусироваться на макропроявлениях разных онтологических черт. Подлинность и неподлинность среди индивидов можно считать аналогами социальных условий солидарности и аномии. Поскольку контраст между подлинным и недостоверным существованием острее в пограничных ситуациях, он предположил, что социальная солидарность и аномия проявляются в таких экстремальных ситуациях, которые разрушают обыденные социальные закономерности [Tiryakian, 1962, 1970; Тирикьян, 2002, 2007].

Экзистенциальная социология на основе методологий «субъективного реализма» и «общей теории социального существования» при изучении жизненного мира индивида, групп и общностей воплощается в принципах «реляционизма» и «трансубъективизма», при этом избегает крайностей материалистических или идеалистических взглядов, социальную реальность и «жизненный мир» рассматривает как феноменалистический опыт разных акторов. «Реляционизм» подразумевает, что подлинность, правда или истина для актора находятся в экзистенциальном отношении к определенным ситуациям, «трансубъективизм» направляет исследование за пределы объекта изучения к его наиболее полному объяснению с точки зрения «тотального социального факта». Экзистенциальная методология имеет тенденцию преодолевать институциональную реальность (как естественную установку), делая акценты на корнях социального бытия (экзистенциальной природе социальных структур) и фокусируясь на аналитическом обеспечении показа диалектики между институциональными и экзистенциальными измерениями общества [Wardle и др., 2023, с. 13].

Другим важнейшим научным вкладом в теорию общей социологии и ее экзистенциального ответвления Э. Тирикьяна стала разработанная им «экзистенциальная модель человека» (*existential model of man*), которая состояла из четырех базовых элементов онтического (*ontic* — окружающего) и онтологического (бытийного) уровней существования, открытости «я» (*self*) к миру и ситуации как ключевого звена связи «я» (*self*) в отношении социальной реальности.

Онтологический и онтический уровни соответствуют подлинным или недостоверным формам бытия, а также экзистенциальному «я» (*existential self*) и соответственно «персонажу», «персоне», «личности» (*person*). Экзистенциальное «я» — глубочайшая основа индивида как субъекта, «реальное я» (*real me*) — «динамическое и временное единство» (*dynamic and temporal unity*), которое стремится актуализировать собственные интегральные возможности и не может быть полностью объективировано или определено до тех пор, пока не исчерпает весь свой внутренний потенциал. Открытость актуализируется через тело, интерсубъективность, социальное время (историчность) и сакральную сферу существования.

Основными способами этой актуализации являются язык, невербальное общение, ответственность и нравственность, возникающая по зову совести, внутррелигиозный диалог для верующих. Социальные ситуации выходят за пределы физического места благодаря содержащимся в них значениям и смыслам. Индивид в формате экзистенциального «я» становится фигурой социального присутствия, подобного телу,

как форме физического бытия; в формате «персонажа», «персоны», «личности» (person) — он просто социальная маска, «другое я» (another self), которое представляет и защищает свое экзистенциальное «я» в стандартных ситуациях intersубъективной реальности. В определенных пограничных ситуациях его маска как бы «повреждается», экзистенциальное «я» открывается социальной среде.

Тем самым, «экзистенциальная модель человека» (existential model of man) связана с более широкой теорией структурной социологии, чем нам это представлялось. Социальные структуры определяются как экзистенциальные основы социальной жизни, которые объединяют социальный порядок и изменения в единое целое. Важно отметить, что социальная структура — это не физическая сущность, а те моральные или «нормативные феномены intersубъективного сознания, которые формируют социальные действия в социальном пространстве» (normative phenomena of intersubjective consciousness which frame social actions in social space) [Tiryakian, 1970, с. 115]. Социальные изменения — это не столько трансформация физической реальности, сколько трансформация сознания индивида, группы, общности посредством процессов структурирования, деструктуризации и реструктуризации. Смыслы и значения социальной реальности — не только индивидуальные, но и коллективные явления, предстающие сознанию воспринимаемыми здесь и сейчас.

Исходя из того, что в теории выделяются три основных элемента восприятия — сенсорный, когнитивный (фактический) и нормативный (моральный), исследуется то, как феномены объединяются в многослойную систему значений, опосредующую опыт физических объектов. Они проходят стадии рождения и становления из «экзистенциальных основ возможностей» (existential ground of possibilities), которые являются латентными, но реальными социальными структурами, и рано или поздно превращаются в компоненты культуры. Актуализация социальных явлений в компоненты культуры — по сути дела это двойной процесс — и формализации и институционализации социального существования. Социальные структуры определяют внутренние условия взаимосвязанных элементов, а формы являются внешними проявлениями этих структур. При определенных условиях латентные структуры нарушают институциональный порядок и приводят к масштабным трансформациям. Поскольку социальные структуры скрыты, то типичная ошибка социологов заключается в их основной ориентации на «видимый» (visible) или «профанный» (profane) уровень общества, в то время как его сакральное экзистенциальное ядро остается вне поля зрения. Существует метафора зрителя, который слился с фильмом (институциональный порядок) и совсем забыл об экране, проекторе, режиссере, т. е. о тех структурах, которые, собственно, создают картину.

Из этого анализа делается вывод, что современную социологическую теорию надо переориентировать на изучение отношений между институциональной жизнью и скрытыми/латентными социальными структурами. Тогда исследования экзистенциальной социологии могут быть направлены на максимально полное раскрытие того, как индивиды, группы и отдельные сообщества рефлексивны в социальном существовании и как личные ситуации становятся intersубъективными или историческими событиями. Методологическим обеспечением этого проекта должна быть парадигма «жизненного мира» индивидов, групп или отдельных сообществ.

Лидер другой школы экзистенциальной социологии Дж. Дуглас начал создавать свою собственную версию экзистенциальной социологии в конце 1960-х гг., определив ее главную задачу как исследование социального существования или изучение человеческого опыта во всех его формах. Он попытался радикально изменить традиционное понимание точных и мягких наук, утверждая, что количественные и абстрактные макроподходы должны быть подчинены качественному анализу прямого интерактивного опыта в повседневной жизни и его глубочайших экзистенциальных сенсорных параметров. В исследовательской программе экзистенциальной социологии Дж. Дугласа принцип ситуативной детерминации значений указывал на то, что контекстуальные значения и этика существенно отличаются от абстракций и абсолютистской аксиологии. Согласно этому принципу, который сформулирован как «теорема Дугласа» (Douglas' theorem) по аналогии с теоремой Томаса, «конкретное значение дается адекватно тогда и только тогда, когда предоставляется его конкретный и ситуативный контекст» [Douglas, 1970, с. 9]. «Ситуации» (situations) сочетают в себе решительность и свободу, порядок и дезорганизацию, и как правило, порождают «взаимные недвусмысленности» (mutual ambiguities), приводя к «рабочим соглашениям» (working agreements). «Упрощенные социальные значения» (simplified societal meanings) в то же самое время имеют тенденцию порождать отчуждение и обман — затем, чтобы прикрыть возникающие отклонения/девиации (deviations) абстрактной моралью.

Индуктивизм Дугласа воплощал сартровский «приоритет существования над сущностью», предполагая все более восходящую интерпретацию ситуаций в перспективе от первого лица. Акцент в этой логике делался на относительной независимости, доминировании чувств и эмоций над явно рациональными аспектами социальных действий. Центральным элементом сенсорного опыта является «грубое существо» (brute being), как впервые отметил Мерло-Понти, то есть интуитивное, изначальное ядро личности, которое не может быть полностью рационализировано или вербализовано. Это «грубое существо» характеризуется чувством базовой безопасности и доверия, знанием здравого смысла, естественным отношением, проблемными значениями и самообманами, благодаря которым развивается подлинное «я» (authentic self) [Wardle и др., 2023, с. 14]. В афористичной цитате Дж. Дугласа: «все человеческие мысли и действия обязательно экзистенциальны: мы не только должны создавать наш мир значений ("наши сущности" (our essences) из "нашего существования" (of our existence), но мы также должны и "воссоздавать" (recreate) какую-то часть этого "мира смыслов" (world of meanings) для каждой ситуации, с которой мы сталкиваемся в повседневной жизни» [Douglas, 1971].

Заключение

1. Обобщая, следует подчеркнуть, что в сравнении со стандартными процедурами приращения знаний теоретической и эмпирической социологии, современное экзистенциальное исследование включает в себя изыскание и конструирование смыслов и значений как проблематичный процесс, который требует постоянной реинтерпретации данных и переосмысления изменчивой социальной реальности в этих новых контекстах.

2. Экзистенциальная социология как предметная гуманитарная область на самом деле никогда не могла избежать своего главного оппонента/врага: опоры на обоснование своей собственной исследовательской и аналитической деятельности в социальных структурных контекстах, чтобы полностью описать мир повседневной жизни и свой жизненный мир, который имеет значение для индивидов, групп и сообществ, а также узнаваемые компоненты жизненного мира являются весьма значимыми как для читателя, так и для идентификации их социологами-профессионалами.
3. Авторы статьи убеждены в том, что та научная проблема, решению которой посвящена статья, объясняется ее теоретической и практической актуальностью, которые заявлены в идентификации новой исследовательской программы «экзистенциальной модели человека» (existential model of man), которая обосновывается на базе ключевых понятиях экзистенциальной социологии, понимаемых в выявлении «смыслов социальной реальности» (meanings of social reality) — таких, как ситуация; выбор; действия; повседневная жизнь; опыт; онтический (окружающий) и онтологический (бытийный) уровни существования, открытость «я» (self) к миру и к ситуации как ключевого звена связи «я» (self) в отношении социальной реальности; чувства и эмоции; самость; тело; свобода, пространство и время (аутентичность; структура; культура, религия, социальная онтология, социальные изменения, негативные явления, массификация, нивелирование или выравнивание).
4. Теоретическая и практическая значимость статьи состоят не только в том, что в ней разработаны конкретно действующие алгоритмы, отражающие индивидуальные и коллективные явления парадигмы «жизненного мира» в координатах экзистенциальной социологии, но и представлен комплекс ее основных понятий в той логике изложения, которая объясняет, почему она может и должна быть структурирована как на макро-, так и на микро- и мезо- уровнях, представлена в теориях среднего диапазона, в форматах визуальной, реляционной, сенсорной социологии, социологии индивида, в стандартных терминах философии экзистенциализма типа: абсурд, страдание, бедствия, отчуждение, страх, риск, война, смерть.
5. Обобщая современные российские философско-психологические подходы, следует обратить внимание на весьма конструктивные идеи К. А. Абульхановой, выдающимся представителем социально-философской и философско-психологической научной школы С. Л. Рубинштейна, с опорой на разработку методологии философско-антропологической онтологической парадигмы, представляющей яркий образец философско-психологической концепции сознания как интегратора, обеспечивающего жизнедеятельность личности. В логической цепочке дается полная философско-психологическая операционализация жизненного мира, которая в итоге приводит не только к функциональной («пресловутые общественные отношения, как отношения в социуме»), но и нравственной роли сознания. В данном контексте наблюдается неразрывная ментальная связь

компонентов концепции мира и человека в современных российских философско-психологических подходах и представленных в этой статье важных координат жизненного мира в экзистенциальной социологии.

Список литературы

- Абульханова К. А. 1999. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) // Избранные психологические труды: сб. Москва: Московский психолого-социальный институт. 224 с.
- Абульханова К. А. 2009. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. Т. 30. № 1. С. 32–43.
- Абульханова К. А. 2014. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. Т. 35. № 2. С. 5–18.
- Абульханова К. А. 2017а. Проблемы сознания и его исследований в отечественной психологии XX-XXI столетий // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития: сб / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. Москва: Институт психологии РАН. С. 158–166.
- Абульханова К. А. 2017б. Время личности и ее жизненного пути // Человек и мир. Т. 1. № 1. Москва: Институт психологии РАН. С. 165–200.
- Абульханова К. А. 2018. Сознание личности как жизненная способность // Мир психологии. № 2 (94). С. 30–36.
- Абульханова К. А., Славская А. Н. 2019. Сознание личности как проблема. Часть I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 4. С. 8–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-4-8-23>
- Абульханова К. А., Славская А. Н. 2020а. Сознание личности как проблема. Часть II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 3. С. 6–15. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-3-6-15>
- Абульханова К. А., Славская А. Н. 2020б. Сознание личности как проблема. Часть III // Вестник Московского городского областного университета. Серия: Философские науки. № 4. С. 23–32. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-4-23-32>
- Адлер П., Адлер П. 2019. Полевые истории: размышления о четырех десятилетиях этнографии / пер. с англ. В. В. Семеновой // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 11. № 20. С. 8–35. <https://doi.org/10.1z9181/inter.2019.20.1>
- Быстров В. Ю., Дудник С. И. 2018. Об экзистенциальных мотивах в философии К. Маркса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. Т. 22. № 4. С. 397–406. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-397-406>
- Гагарин А. С. 2009. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 9. С. 7–26.
- Гагарин А. С. 2015. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 12 (62). Ч. 2. С. 70–73.

- Гришина Н. В. 2018. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. Т. 9. № 3. С. 10–20. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090302>
- Гулеватая А. Н., Пеннер Р. В. 2023. Язык экзистенциального опыта в цифровую эпоху // Galactica Media: Journal of Media Studies. Vol. 5. № 1. Pp. 180–195. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324>
- Демидова И. Ф. 2008. Жизненный мир как основа профессионального становления студентов // Российский психологический журнал. № 2. С. 47–59. <https://doi.org/10.21702/rpj.2008.2.5>
- Джексон М. 2012. Экзистенциальная антропология / пер. книги М. А. Султановой // Психология и психотехника № 7 (46). С. 19–29. (Jackson Michael. Existential Anthropology (Events, Exigencies and Effects). New York: Oxford, 2010)
- Дивисенко К. С. 2011. (Авто-)биографический нарратив как коммуникативное действие и репрезентация жизненного мира // Социологический журнал. № 1. С. 37–52.
- Дивисенко К. С. 2013. Ценности и установки в структуре жизненного мира // Петербургская социология сегодня. № 4. С. 159–174.
- Дружинин В. Н. 2010. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. Санкт-Петербург. 156 с.
- Ильин В. И. 2023. «Человеческий капитал» как категория качественной социологии // Социологические исследования. № 3. С. 32–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250024881-2>
- Кондрашов П. Н. 2015. Экзистенциальные контексты философии К. Маркса // Философские науки. № 7. С. 53–67.
- Кондрашов П. Н. 2016. Понятие экзистенции в философии К. Маркса // Человек. № 2. С. 127–139.
- Кондрашов П. Н. 2019а. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. Москва: ЛЕЛАНД. 216 с.
- Кондрашов П. Н. 2019б. Феномен целостности человека и его бытия-в-мире: экзистенциально-антропологическая интерпретация в контексте философии Карла Маркса: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Челябинск. 36 с.
- Красильников И. А. 2009. Понимание внутренних конфликтов личности // Ученые записки. Т. 2. Серия: Психология. Педагогика. № 3–4 (7–8). С. 13–18.
- Красильников И. А. 2013. Модель внутреннего конфликта в гуманистической психологии личности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 12 (32). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-8>
- Красильников И. А. 2014. Социальная психология внутриличностных конфликтов: теоретические основания и эмпирические исследования. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 234 с.
- Красильников И. А. 2018. Неклассическая онтология субъекта как методология в изучении конфликтного жизненного мира // Пензенский психологический вестник. № 2. С. 109–122. <https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.10>
- Кривцова С. В. 2013. Феноменологический метод с точки зрения экзистенциального анализа // Вопросы психологии. № 6. С. 14–23.
- Кривцова С. В. 2021. Методы экзистенциального анализа и культура достоинства // Экзистенциальный анализ. Т. 13. № 1. С. 5–12.

- Кривцова С. В., Лэнгле А., Орглер К. 2009. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. № 1. С. 141–170.
- Кьеркегор С. 2011. Или — или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат., вступ. ст., коммент, примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. Санкт-Петербург: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной Академии «Амфора». 823 с.
- Леонтьев Д. А. 2003. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исправленное издание. Москва: Смысл. 487 с.
- Леонтьев Д. А. 2016. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. № 3. С. 3–15.
- Леонтьев Д. А. 2018. Экзистенциальное измерение жизни [Семинар]. Проблемы рациональной философии. Москва: Институт философии РАН.
- Леонтьев Д. А. 2019а. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. Т. 15. № 1. С. 25–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150103>
- Леонтьев Д. А. 2019б. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Изд. 4-е, испр. и доп. Москва: Смысл. 584 с.
- Леонтьев Д. А., Нестик Т. А. 2017. Интервью с Д. А. Леонтьевым о будущем социальной психологии // Социальная и экономическая психология. Т. 2. № 3. С. 229–253.
- Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. 2019. Психология выбора. Москва: Смысл. 464 с.
- Летуновский В. В. 2003. Экзистенциальный анализ: дис. ... канд. психол. наук. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова. 167 с.
- Лэнгле А. 2001. Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психиатрический журнал. № 1. С. 5–22.
- Лэнгле А. 2005. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: сб. статей / пер. О. Ларченко. Москва: Генезис. 160 с.
- Лэнгле А. 2019. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. Москва: Генезис. 120 с.
- Лэнгле А. 2020. Экзистенциальный анализ. Экзистенциальные подходы в психотерапии. Когито-Центр. 322 с.
- Лэнгле А. А., Уколова Е. М., Шумский В. Б. 2023. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт. 556 с.
- Мельников А. С. 2018. Экзистенциальная социология: проблема идентификации парадигмальной специфики: монография. Киев: Миллениум. 376 с.
- Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. 1990. Сумерки богов: сб.: переводы / сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. Москва: Политиздат. 396 с.
- Окладникова В. Д., Сафонова М. В. 2023. К вопросу о возможности рассмотрения конструкта жизненного мира с позиции экзистенциалов человеческого бытия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 1 (63). С. 144–157.
- Парсонс Т. 1997. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. Москва: Аспект Пресс. 270 с.

- Парсонс Т. 2000. О структуре социального действия. Москва: Академический проект. 880 с.
- Парсонс Т. 2002. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. Москва: Академический Проект. 832 с.
- Плющ А. Н. 2023. Понимание идентичности в культурно-исторической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 20. № 2. С. 338–353. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-2-338-353>
- Рубинштейн С. Л. 1997. Человек и мир. Москва: Наука. 189 с.
- Рубинштейн С. Л. 2003. Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург: Питер. 512 с.
- Сапогова Е. Е. 2019. Субъективная онтология и жизненный мир личности // Культурно-историческая психология. Т. 15. № 1. С. 35–45. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150104>
- Сартр Ж.-П. 1989. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. Москва: Политиздат. С. 319–344.
- Тирикьян Э. 2002. Социологизм и экзистенциализм // Личность. Культура. Общество. Т. 4. Вып. 3–4. С. 240–277.
- Тирикьян Э. 2007. Социологизм и экзистенциализм // Вопросы социальной теории. Т. 1. Вып. 1. С. 50–84.
- Тощенко Ж. Т. 2015. Жизненный мир — методологическая характеристика социологии жизни // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 7. С. 9–14.
- Тощенко Ж. Т. 2019. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. № 4. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250004582-3>
- Тощенко Ж. Т. 2022. О соотношении понятий феномена и ноумена в современной социологии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4. Ч. 3. С. 392–400. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-392-400>
- Тощенко Ж. Т. 2023. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления // Социологические исследования. № 6. С. 3–15. <https://doi.org/10.31857/S013216250026379-9>
- Флигстин Н., МакАдам Д. 2022. Теория полей / пер. с англ. Е. Б. Головяницыной; под науч. ред. В. В. Радаева. Москва: Высшая школа экономики. 464 с.
- Хайнц А. 2000. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию. Санкт-Петербург: Алетейя. 272 с.
- Штомпка П. 2009. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.
- Шютц А. 2004. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. Москва: РОС-СПЭН. 1056 с.
- Щербин В. К. 2022. Жизненный мир человека как результат взаимодействия «возможных миров», современных мега-трендов и вызовов // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль): сб. матер. между. науч.-метод. междисциплинар. семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума» (10 ноября 2022 г.). Минск. С. 65–71.

- Эпштейн М. Н. 2004. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение. 864 с.
- Эпштейн М. Н. 2017. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение. 1838 с.
- Эпштейн М. Н. 2019. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI в. Москва: Рипол-классик (серия Лекции Pro). 240 с.
- Эпштейн М. Н. 2023а. От Библии до пандемии: Поиск ценностей в мире катастроф. Санкт-Петербург: Пальмира. 376 с.
- Эпштейн М. Н. 2023б. Русский антимир — Политика на грани апокалипсиса. Нью-Йорк: Franc Tireur USA. 248 с.
- Эпштейн М. Н. 2023в. Философия+. О естественной глупости и искусственном разуме. Беседа с Ольгой Балла-Гертман // Семь искусств. № 9 (159).
- Abend G. 2008. The meaning of «Theory» // *Sociological Theory*. № 26 (2). Pp. 173–199.
- Aho K. 2020. *Existentialism: An Introduction*. Publisher: Polity. 236 p.
- Baert P., Morgan M., Ushiyama R. 2022. Existence theory: Outline for a theory of social behavior // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 22 (1). Pp. 7–29. <https://doi.org/10.1177/1468795X21998247>
- Baxter H. 2011b. *Habermas: The discourse theory of law and democracy*. Jurists: Profiles in Legal Theory. 1st ed. Publisher: Stanford Law Books. 352 p.
- Douglas J. D. 1970b. *Deviance and Respectability*. New York: Basic Books. 468 p.
- Douglas J. D. 1971. *American Social Order*. New York: Free Press. 334 p.
- Douglas J. D., Johnson J. (eds.). 1977. *Existential Sociology*. Publisher: Cambridge University Press. 346 p.
- Eriksen C., Hämäläinen N. 2022. *New Perspectives on Moral Change. Anthropologists and Philosophers Engage with Transformations of Life Worlds*. New York; Oxford: Berghahn. 244 p. <https://doi.org/10.3167/9781800735972>
- Habermas J. 1984. *The theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society* / trans. by Th. McCarthy. Publisher: Beacon Press. 465 p.
- Habermas J. 1985. *The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist* / trans. by Th. McCarthy. Beacon Press. 457 p.
- Habermas J. 1988/1967. *On the logic of the social sciences* / trans. by S. W. Nichol森, J. A. Stark. Cambridge, MA: MIT Press. 220 p.
- Inglis D. 2022. Existentialising existence theory and expanding the sociology of existential milestones // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 22. No. 1. Pp. 30–48. <https://doi.org/10.1177/1468795X211049126>
- Jackson M. 2013. *Lifeworlds: Essays in existential anthropology*. University of Chicago Press. Vol. XVII. 339 p.
- Jackson M., Piette A. 2015. *What Is Existential Anthropology?* New York: Berghahn Books. 248 p.
- Matthew G. S. 2011. *Habermas: An intellectual biography*. Cambridge University Press. 278 p.
- May R. 1961. Existential psychiatry an evaluation // *Journal of Religion and Health*. No. 1 (1). Pp. 31–40. <https://doi.org/10.1007/BF01532010>

- Susen S. 2022. Critical remarks on existence theory: Between existentialism and phenomenology // *Journal of Classical Sociology*. No. 22 (1). Pp. 49–84. <https://doi.org/10.1177/1468795X211051514>
- Tiryakian E. 1962. *Sociologism and existentialism: Two perspectives on the individual and society*. 1st edition. Prentice Hall. 176 p.
- Tiryakian E. 1968. The existential self and the person // *The Self in Social Interaction* / K. Gergen, C. Gordon (eds.). New York: Wiley and Sons. Vol. I. Pp. 75–86.
- Tiryakian E. 1970. Structural sociology // *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments* / J. McKinney, E. Tiryakian (eds.). New York: Appleton-Century-Crofts. Pp. 111–35.
- Wardle H., Rapport N., Piette A. (Eds.). 2023. *The Routledge international handbook of existential human science*. 1st edition. Publisher: Routledge. 304 p.

References

- Abulkhanova, K. A. (1999). Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality). In *Selected Psychological Works*. Moscow Psychological and Social Institute. [In Russian]
- Abulkhanova, K. A. (2009). Consciousness as a vital ability of personality. *Psychological Journal*, 30(1), 32–43. [In Russian]
- Abulkhanova, K. A. (2014). Methodological principle of the subject: The study of the life path of the individual. *Psychological Journal*, 35(2), 5–18. [In Russian]
- Abulkhanova, K. A. (2017a). Problems of consciousness and its research in Russian psychology of the 20th–21st c. In A. L. Zhuravlev, & V. A. Koltsova. *Fundamental and Applied Research of Modern Psychology. Results and Prospects of Development* (pp. 158–166). Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
- Abulkhanova, K. A. (2017b). The time of the personality and its life path. *Man and the world. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 1(1), 165–200. [In Russian]
- Abulkhanova, K. A. (2018). Personality consciousness as a vital ability. *World of Psychology*, 2(94), 30–36. [In Russian]
- Abulkhanova, K. A., & Slavskaya, A. N. (2019). Personality consciousness as a problem. Part I. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, (4), 8–23. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2019-4-8-23> [In Russian]
- Abulkhanova, K. A., & Slavskaya, A. N. (2020a). Personality consciousness as a problem. Part II. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, (3), 6–15. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-3-6-15> [In Russian]
- Abulkhanova, K. A., & Slavskaya, A. N. (2020b). Personality consciousness as a problem. Part III. *Bulletin of the Moscow City Regional University. Series: Philosophical Sciences*, (4), 23–32. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2020-4-23-32> [In Russian]
- Adler, P., & Adler, P. (2019). Field stories: Reflections on four decades of ethnography. *Interaction. Interview. Interpretation*, 11(20), 8–35. <https://doi.org/10.1z9181/inter.2019.20.1> [In Russian]
- Bystrov, V. Yu., & Dudnik, S. I. (2018). On existential motives in the philosophy of K. Marx. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy*, 22(4), 397–406. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2018-22-4-397-406> [In Russian]

- Gagarin, A. S. (2009). Phenomenological topic: The meaning-of-life space of existentials of human existence. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, (9), 7–26. [In Russian]
- Gagarin, A. S. (2015). The existence and existentials of human existence in modern philosophical anthropology. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*, 12(62), part 2, 70–73. [In Russian]
- Grishina, N. V. (2018). The problem of conceptualization of context in modern psychology. *Social Psychology and Society*, 9(3), 10–20. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090302> [In Russian]
- Gulevataya, A. N., & Penner, R. S. (2023). Language is an existential variant in the digital age. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 5(1), 180–195. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i1.324> [In Russian]
- Demidova, I. F. (2008). The living world as the foundation of students' professional development. *Russian Psychological Journal*, (2), 47–59. <https://doi.org/10.21702/rpj.2008.2.5> [In Russian]
- Jackson, M. (2012). Existential anthropology (Events, Exigencies and Effects). (M. A. Sultanova, Trans.). *Psychology and Psychotechnics*, 7(46), 19–29. [In Russian]
- Divisenko, K. S. (2011). (Auto-)biographical narrative as a communicative action and representation of the residential world. *Sociological Journal*, (1), 37–52. [In Russian]
- Divisenko, K. S. (2013). Purpose and attitudes in the structure of the everyday world. *Petersburg Sociology Today*, (4), 159–174. [In Russian]
- Druzhinin, V. N. (2010). *Life options. Existential psychological essay*. [In Russian]
- Ilyin, V. I. (2023). "Human capital" as a category of mixed sociology. *Sociological Research*, (3), 32–41. <https://doi.org/10.31857/S013216250024881-2> [In Russian]
- Kondrashov, P. N. (2015). Existential contexts of K. Marx's filter. *Philosophical sciences*, (7), 53–67. [In Russian]
- Kondrashov, P. N. (2016). The meaning of existentiality in the philosophy of K. Marx. *Man*, (2), 127–139. [In Russian]
- Kondrashov, P. N. (2019a). *Karl Marx's Philosophy: Existential and anthropological aspects*. Leland. [In Russian]
- Kondrashov, P. N. (2019b). *The phenomenon of the integrity of man and his being-in-the-world: Existential-anthropological interpretation in the context of Karl Marx's philosophy*. [Doctoral dissertation abstract]. [In Russian]
- Krasilnikov, I. A. (2009). Understanding internal conflicts of personality. *Scientific Notes. Vol. 2. Series: Psychology. Pedagogy*, (3–4), 13–18. [In Russian]
- Krasilnikov, I. A. (2013). The model of internal conflict in the humanistic psychology of personality. *Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)*, (12). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-8> [In Russian]
- Krasilnikov, I. A. (2014). *Social Psychology of Intrapersonal Conflicts: Theoretical Foundations and Empirical Research*. Publishing House of Saratov University. [In Russian]
- Krasilnikov, I. A. (2018). Non-classical ontology of the subject as a methodology in the study of the conflict life world. *Penza Psychological Bulletin*, (2), 109–122. <https://doi.org/10.17689/psy-2018.2.10> [In Russian]

- Krivtsova, S. V. (2013). The phenomenological method from the point of view of existential analysis. *Questions of Psychology*, (6), 14–23. [In Russian]
- Krivtsova, S. V. (2021). Methods of existential analysis and the culture of dignity. *Existential Analysis*, 13(1), 5–12 [In Russian]
- Krivtsova, S. V., Langle, A., & Orgler, K. (2009). The scale of existence (Existenzskala) by A. Langle and K. Orgler. *Existential Analysis*, (1), 141–170. [In Russian]
- Kierkegaard, S. (2011). *Either–or. Fragment from Life: in 2 vols.* (N. Isaeva, & S. Isaeva, Trans.). Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy "Amphora". [In Russian]
- Leontiev, D. A. (2003). *Psychology of Meaning: The Nature, Structure and Dynamics of Semantic Reality*. 2nd, rev. ed. Smysl. [In Russian]
- Leontiev, D. A. (2016). Existential approach in modern personality psychology. *Questions of Psychology*, (3), 3–15. [In Russian]
- Leontiev, D. A. (2018). *The Existential Dimension of Life* [Seminar]. *Problems of Rational Philosophy*. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
- Leontiev, D. A. (2019a). Man and the life world: From ontology to phenomenology. *Cultural and Historical Psychology*, 15(1), 25–34. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150103> [In Russian]
- Leontiev, D. A. (2019b). *Psychology of meaning: The nature, structure and dynamics of semantic reality*. 4th ed., impr. and add. Smysl. [In Russian]
- Leontiev, D. A., & Nestik, T. A. (2017). Interview with D. A. Leontiev about the future of social psychology. *Social and Economic Psychology*, 2(3), 229–253. [In Russian]
- Leontyev D. A., Ovchinnikova E. Yu., Rasskazova E. I., & Pham A. Kh. (2019). *Psychology of Choice*. Smysl. [In Russian]
- Letunovsky, V. V. (2003). *Existential Analysis* [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. [In Russian]
- Langle, A. (2001). Existential analysis — to find agreement with life. *Moscow Psychiatric Journal*, (1), 5–22. [In Russian]
- Langle, A. (2005). *Person: Existential-Analytical Theory of Personality: Collection of articles*. Genesis. [In Russian]
- Langle, A. (2019). *A life filled with meaning. Logotherapy as a means of Helping in Life*. Genesis. [In Russian]
- Langle, A. (2020). *Existential Analysis. Existential Approaches in Psychotherapy*. Kogito Center. [In Russian]
- Langle, A. A., Ukolova, E. M., & Shumsky, V. B. (2023). *Modern Existential Analysis: History, Theory, Practice, Research*. 2nd ed., reprint. and rev. Yurayt. [In Russian]
- Melnikov, A. S. (2018). *Existential Sociology: The Problem of Identification of Paradigmatic Specificity*. Millennium. [In Russian]
- Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., & Sartre J. P. (1990). *Twilight of the Gods: Collection: Translations* (A. A. Yakovlev, Ed.). Politizdat. [In Russian]
- Okladnikova, V. D., & Safonova, M. V. (2023). On the question of the possibility of considering the construct of the life world from the standpoint of the existentials of human existence. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, (1), 144–157. [In Russian]

- Parsons, T. (1997). *The System of Modern Societies*. (L. A. Sedov, A. D. Kovalev, Trans.; M. S. Kovaleva, Ed.). Aspect Press. [In Russian]
- Parsons, T. (2000). *On the Structure of Social Action*. Academic project. [In Russian]
- Parsons, T. (2002). *On Social Systems*. In V. F. Chesnokova, S. A. Belanovsky. Academic Project. [In Russian]
- Plyushch, A. N. (2023). Understanding identity in cultural and historical psychology. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 20(2), 338–353. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-2-338-353> [In Russian]
- Rubinstein, S. L. (1997). *Man and the World*. Nauka. [In Russian]
- Rubinstein, S. L. (2003). *Being and Consciousness. Man and the World*. Piter.
- Sapogova, E. E. (2019). Subjective ontology and the life world of the individual. *Cultural and Historical Psychology*, 15(1), 35–45. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150104> [In Russian]
- Sartre, J.-P. (1989). Existentialism is humanism. In A. A. Yakovlev (Ed.). *Twilight of the Gods* (pp. 319–344). Politizdat. [In Russian]
- Tirikyan, E. (2002). Sociologism and existentialism. *Personality. Culture. Society*, 4(3–4), 240–277. [In Russian]
- Tirikyan, E. (2007). Sociologism and existentialism. *Questions of Social Theory*, 1(1), 50–84. [In Russian]
- Toschenko, J. T. (2015). The life world is a methodological characteristic of the sociology of life. *Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*, (7), 9–14. [In Russian]
- Toshhenko, J. T. (2019). From phenomenon to noumenon: Experience of methodological and methodical search. *Sociological Research*, (4), 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250004582-3> [In Russian]
- Toshhenko, J. T. (2022). On the correlation of the concepts of phenomenon and noumenon in modern sociology. *Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology*, (4), part 3, 392–400. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-392-400> [In Russian]
- Toshhenko, J. T. (2023). Social contract as a Noumenon: The experience of sociological understanding. *Sociological Research*, (6), 3–15. <https://doi.org/10.31857/S013216250026379-9> [In Russian]
- Fligstin, N., & MakAdam, D. (2022). *Field Theory* (E. B. Golovlyanitsyna, Trans.; V. V. Radaev, Ed.). Publishing House of the Higher School of Economics. [In Russian]
- Heinz, A. (2000). *Interaction, Identity, Presentation: An Introduction to Interpretive Sociology*. Aletya. [In Russian]
- Shtompka, P. (2009). The focus of attention is everyday life. A new turn in sociology. *Sociological Research*, (8), 3–13. [In Russian]
- Schutz, A. (2004). *Favorites: A World Glowing with Meaning*. ROSSPEN. [In Russian]
- Shcherbin, V. K. (2022). The life world of a person as a result of the interaction of "possible worlds", modern mega-trends and challenges. *Modern Society: Sociology of Life (Interdisciplinary profile)* [Interdisciplinary seminar]. New challenges and prospects for the development of modern society. [In Russian]
- Epstein, M. N. (2004). *The Space Sign: About the Future of the Humanities*. New Literary Review. [In Russian]

- Epstein, M. N. (2017). *A Projective Dictionary of the Humanities*. New Literary Review. [In Russian]
- Epstein, M. N. (2019). *The Future of the Humanities. Technohumanism, Creatorics, Erotology, Electronic Philology and Other Sciences of the 21st c.* Ripol-classic. [In Russian]
- Epstein, M. N. (2023b). *From The Bible To The Pandemic: The Search For Values In The World Of Catastrophes*. Palmyra. [In Russian]
- Epstein, M. N. (2023a). *The Russian Anti-World Is a Politics on the Verge of the Apocalypse*. Franc Tireur USA. [In Russian]
- Epstein, M. N. (2023c). Philosophy+. About natural stupidity and artificial intelligence. Conversation with Olga Balla-Gertman. *Seven Arts*, 9(159). [In Russian]
- Abend, G. (2008). The meaning of "Theory." *Sociological Theory*, 26(2), 173–199.
- Aho, K. (2020). *Existentialism: An Introduction*. Polity.
- Baert, P., Morgan, M., & Ushiyama, R. (2022). Existence theory: Outline for a theory of social behavior. *Journal of Classical Sociology*, 22(1), 7–29. <https://doi.org/10.1177/1468795X21998247>
- Baxter, H. (2011b). *Habermas: The discourse theory of law and democracy. Jurists: Profiles in Legal Theory*. 1st ed. Stanford Law Books.
- Douglas, J. D. (1970b). *Deviance and Respectability*. Basic Books.
- Douglas, J. D. (1971). *American Social Order*. Free Press.
- Douglas, J. D., & Johnson, J. (Eds.). (1977). *Existential Sociology*. Cambridge University Press.
- Eriksen, C., & Hämäläinen, N. (2022). *New Perspectives on Moral Change. Anthropologists and Philosophers Engage with Transformations of Life Worlds*. Berghahn. <https://doi.org/10.3167/9781800735972>
- Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society*. (Th. McCarthy, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1985). *The theory of communicative action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist*. (Th. McCarthy, Trans.). Beacon Press.
- Habermas, J. (1988a/1967). *On the Logic of the Social Sciences*. (S. W. Nichol森, J. A. Stark, Trans.). MIT Press.
- Inglis, D. (2022). Existentialising existence theory and expanding the sociology of existential milestones. *Journal of Classical Sociology*, 22(1), 30–48. <https://doi.org/10.1177/1468795X211049126>
- Jackson, M. (2013). *Lifeworlds: Essays in Existential Anthropology*. University of Chicago Press.
- Jackson, M., & Piette, A. (2015). *What Is Existential Anthropology?* Berghahn Books.
- Matthew, G. S. (2011a). *Habermas: An Intellectual Biography*. Cambridge University Press.
- May, R. (1961). Existential psychiatry an evaluation. *Journal of Religion and Health*, (1), 31–40. <https://doi.org/10.1007/BF01532010>
- Susen, S. (2022). Critical remarks on existence theory: Between existentialism and phenomenology. *Journal of Classical Sociology*, 22(1), 49–84. <https://doi.org/10.1177/1468795X211051514>
- Tiryakian, E. (1962). *Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society*. 1st ed. Prentice Hall.

Tiryakian, E. (1968). The existential self and the person. In K. Gergen, C. Gordon. *The Self in Social Interaction* (pp. 75–86). Wiley and Sons.

Tiryakian, E. (1970). Structural sociology. In J. McKinney, E. Tiryakian. *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments* (pp. 111–135). Appleton-Century-Crofts.

Wardle, H., Rapport, N., Piette, A. (Eds.). (2023). *The Routledge International Handbook of Existential Human Science*. 1st ed. Routledge.

Информация об авторах

Елена Владимировна Андрианова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Тюмень, Россия
e.v.andrianova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Владимир Александрович Давыденко, доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
v.a.davydenko@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Анжелика Сергеевна Черненко, магистрант кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, менеджер научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия
a.s.chernenko@utmn.ru

Information about the authors

Elena V. Andrianova, Cand. (Soc.) Sci., Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia; Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia
e.v.andrianova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-9206>

Vladimir A. Davydenko, Dr. (Soc.) Sci., Professor, Head of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia
v.a.davydenko@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8389-4254>

Anzhelika S. Chernenko, Master's Student of the Department of General and Economic Sociology, Manager of the Research Center, University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.s.chernenko@utmn.ru